

«ЗАПАХ СИРЕНИ И ДЫМ ПУСТЫРЕЙ...»

№ 12, 1975

Странное дело: двадцать лет звучат с эстрады и пластинок, с театральной сцены и телеэкрана песни Евгения Бачурина. Но имя это остается известно сравнительно узкому кругу любителей авторской песни. Впрочем, когда видишь в телевизионной хронике кадры саратовского фестиваля, поражаешься, сколь безграничен и волнообразен этот «кузкий круг», узнаешь, что Бачурин входил в состав представительных жюри на этих многотысячных конкурсах, — становится понятным его истинное место и звучание в движении авторской песни, да и в самой жизни за пределами этого движения.

И все же судьба и творчество Евгения Бачурина побуждают задуматься не только о таинстве таланта, но и о причудах зрительских симпатий, о секретах популярности, о странностях любви слушателей к их изобретателю.

В этой творческой судьбе было многое. Были концерты, которые не собирали тысячи зрителей (он их не жаждал, хотя и не чурался внимания своих слушателей). Были фильмы и спектакли (знаменательны для Бачурина круг авторов, произведения которых сопровождали его песни — Есенин, Паустовский, Шукшин, Вампилов, Борис Васильев). Был первый диск-гигант «Шахматы на балконе», из которого любители авторской песни узнали, что Евгений Бачурин — профессиональный художник. Это объясняло многое в его песнях, на удивление живописных, зримых в точно схваченных деталях. В этих песнях звучала боль сердца — за унесенные войной жизни («И взгляд природы виноватый над головою у солдата, того, что здесь убит когда-то...»), за уступки совести («Мы теряем друзей своих поутру вдруг, не умея за них заступиться»), за нередкую в обыденности черствость души («По какому поводу, по чьему велению были люди добрые, стало население»), за поруганную природу («Ах, вы рощи мои, дерева, не рубили бы вас на дрова...»). Вместе с тем в песнях Бачурина много надежды, много света, «даже рейсовый автобус щурится от солнца». Евгений Бачурин — уроженец Сочи, поэтому на его холстах и в его песнях — море, волны, кипарисы. Не безмятежные, но одушевленные человеческими радостями и тревогами.

И все же определенная известность пришла к Евгению Бачурину, что называется, в одночасье, когда десяток лет назад с телеэкрана в спектакле «Лика» прозвучала уже упомянутая песня «Дерева». Она завоевала, как теперь принято говорить, приз зрительских симпатий и, видимо, определила тот уровень песенного творчества, который отныне в соответствии с вкусом страждущей публики предписывался автору.

Конечно. «Дерева» — песня для Бачурина во многом заглавная. И по теме, и по музыкальному и поэтическому решению. Не только «эксплуатируя» ее популярность, но и сверяя по ее камертону собственный пе-

сенный стиль, Бачурин назвал свой второй диск, выпущенный фирмой «Мелодия», именно так — «Дерева». И проиллюстрировал его на конверте пластинки одноименной литографией, подчеркнув, сколь неразделимы для него рисунок, слово и звук.

Но заказанность творчества (в изобразительстве или в песне)

очередь понимает, что нужно менять пластинку. И напевает новый диск (он так и называется «Я предлагаю спеть о том...»), на котором наряду с песнями лирико-философскими есть и ироничные, и сатирические. И трагические:

Когда встанут из-за стола,
Бросая дом,

По ком звонят колокола
Тогда, по ком?

...Впрочем, что — пластинки! Их три (и выходят они необъяснимо малыми тиражами, хотя, появляясь на прилавках, моментально с них исчезают — у Бачурина свой прочный круг поклонников), на трех пластинках записано 40 песен. Вроде бы не-

Евгений БАЧУРИН

В НАЧАЛЕ ЛЕТА

Бросив дела и оставив заботы о хлебе,
Был муравьем на земле я,
стал облаком в небе,
Двигаюсь легче и чую острей
Запах сирени и дым пустырей,
Кубики слов и домов многоярусных,
Хлопанье окон и скрипы дверей.
Вот, говорю я, весна начинается снова.
Это, наверно, важнее всего остального.

Сын и отец затерялись в цветах травостоя.
Ждать их к обеду, наверно, дело пустое.
Увлечены они ловлей стрекоз,
Рядом с проспектом идет сенокос,
Вышел с хозяйкой своей на прогулку
Очень породистый пес.
В профиль, анфас и походкой
он копира с нею.
Это смешно, но всего остального важнее.

Дедушки, бабушки вышли копать огороды.
Их поколение более сельской породы.
В рошу заехал шальной самосвал,
В кашки-ромашки водитель упал.
Сны золотые, надежды пустые,
Кто же их в молодости не звал.
Время — как танк, а душа — как
макетик фанерный.
Это страшнее всего остального, наверно.

Планы, конечно, важны и нужны
перспективы.
Надо и жить, и работать, пока
мы живы.

Чтобы остаться с тобою вдвоем,
Облаком был я, а стал муравьем,
Капля любви на земле стоит райского
Неба, и ангелы знают о том.
Пусть хоть на миг наше лето,
Но, честное слово,
Это, наверно, важнее всего остального.

Умеренно F A_m

I. Бро - сив де - ла и о - сти-вив за-бо - ты о

хле - бе, был му-равь-ём на зе-

мле я, стал о-бла - ком в не- бе.

Дви-га-юсь ле-гче и чу- ю о - стрей

за-пах си-ре - ни и дым пу-сты- рей,

ку - би - ки слов и до - мов мно - го - я - рус - ных,

хло-па-нье о - кон и скри - пы две - рей.

Вот, го - во - рю я, ве - сна на-чи - на - ет - ся

сно - ва — э - то на-вер-но ва -

-жне - е все - го о - сталь - но - го.

мало. Но это лишь треть песенного «арсенала». А там — целые циклы, оригинальные, ни на кого не похожие. Вот песни-посвящения: Беранже, Вертинскому, Булгакову, Бабелю, Артуру Рембо и... самому себе («Ничто не угрожает мне — ни выигрыш, ни рента»). Вот «Песни потешного ряда» — первая, третья, девятая... Как пронумерованные улицы, по которым путешествует госпожа Ирония.

Уж какая тут самодельная песня! Слова и музыка профессионально отточены и своеобразны. Свидетельства тому — принятая издательством «Советский писатель» рукопись стихотворений «Мы живем в ожидании вишен» и отзывы о нем композиторов-профессионалов Анатолия Александрова, Никиты Богословского как о «человеке редкого самобытного музыкального и поэтического дарования».

...Мне уже приходилось писать о Евгении Бачурине. Одна из публикаций называлась «Песни на мольберте». Пожалуй, наиболее точное определение того, что делает Евгений Владимирович: ставит на мольберт подрамник, проводит первый мазок кистью по холсту и... «проговаривает» вариант картины в стихах. Сегодня читатели «Недели» присутствуют на премьере песни, которая так и родилась. Она посвящена двухлетнему Илье и переводит на музыкально-поэтический язык картину «Мой сын».

А из другой песни, как завет сыну и другим, кто придет на смену, звучит:

Происки зла или беды с
болезнями
Вышибут нас из седла.
Новые мальчики явятся
с песнями
Мир раскалять добела.

Станислав СЕРГЕЕВ.